

УДК 930.2: 94(47 + 57) «19/20»
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-125-135

«Времена наступали тревожные»: образы прошлого в эго-документах русских журналисток второй половины XIX – начала XX века

А. А. Кузьменко (Старышкина)

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Выявлены характеристики образов прошлого в эго-документах русских журналисток второй половины XIX – начала XX в. В проанализированных текстах образы эпох конструировались на основе характеристик периодических изданий, рефлексии о степени свободы слова и печати, положения журналистов и прессы в целом. Авторы эго-документов чаще всего обращались к образу 1860-х гг. для создания и поддержания идентичности собственной профессиональной группы. Сакрализация, мифологичность и стереотипизация представлений о данной эпохе приводили к своеобразным «войнам памяти» между представителями разных поколений. Образ «святых шестидесятых» служил для журналисток «мерой» для сравнения с последующими эпохами российской истории. Журналистки также часто описывали положение женщины в обществе для характеристики времени.

Ключевые слова

образы прошлого, историческая память, войны памяти, русские журналистки, эго-документы, идентичность

Для цитирования

Кузьменко (Старышкина) А. А. «Времена наступали тревожные»: образы прошлого в эго-документах русских журналисток второй половины XIX – начала XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 1: История. С. 125–135. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-125-135

“Anxious Times Were Coming”: The Images of the Past in Ego-Documents of Russian Women-Journalists in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century

A. A. Kuzmenko (Staryshkina)

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article aims to reveal characteristics of the images of the past in the ego-documents of Russian women journalists in the 2nd half of the 19th and early 20th centuries. Historical epochs that were described by women-journalists in their text most often are the primary focus of our attention. These texts served as a means of commemoration, women tried to reinterpret historical background and recreate, by some means even construct the image of their professional community. The article indicates that women-journalists made a historical excursus rather rare, and also that the ego-documents contained reflection on the Great French revolution which was typical for the general historical culture of the Russian empire. Their perceptions of the degree of freedom, the role of the periodical press and literary figures in society served as one of the ways to construct the images of the past. Opinions on 1860s and contribution of journalist's community in events of this time supported a claim of the socio-professional group on high status, that was one

© А. А. Кузьменко, 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 1: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 1: History

of the major reasons for sacralizing and stereotyping image of the epoch led to the memory wars. The authors of the ego-documents considered the 1860s as the starting point to characterize other epochs. Their descriptions of the past were full of stamps typical for the historical culture of that period. Women-journalists strove to show the position of women in the family and their capability for professional self-realization in different historical periods described in the ego-documents.

Keywords

the images of the past, historical memory, the memory wars, Russian women-journalists, ego-documents, identity

For citation

Kuzmenko (Staryshkina) A. A. "Anxious Times Were Coming": The Images of the Past in Ego-Documents of Russian Women-Journalists in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 1: History, p. 125–135. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-125-135

Мемориальный бум, характерный для современной исторической науки, как никогда актуализировал проблему конструирования и дальнейшей рецепции образов прошлого, являющихся основой для формирования коллективной идентичности. Особое место среди текстов, конструирующих и транслирующих образы прошлого, занимают эго-документы. Они одновременно отражают историческое сознание своих авторов и создают образы эпох и событий, мифы прошлого, задают определенное отношение к персоналиям, одних выдвигая в ранг «выдающихся» или героев, не упоминая других или присваивая им статус злодея. А. Мегилл одной из черт современности считает «мемориальную манию», почти маниакальную сосредоточенность культуры на проблемах памяти [2009. С. 138]. Количество исследований по данной тематике подтверждает этот факт [Историческая культура..., 2012. С. 9].

З. А. Чеканцева [2013] отмечает, что категория «образ» на сегодняшний день является чрезвычайно востребованной в науке, и ее предметное поле «совпадает с бесконечным разнообразием жизни». Образы прошлого Л. Н. Мазур называет «координационной сеткой исторической памяти» [2013. С. 248]. Они включают в себя представления о наиболее значимых образах эпох, событий и исторических персонажей, а их создание неразрывно связано с мифологизацией. Изучение исторической памяти при помощи данной категории, как считает О. Б. Леонтьева, основано на «образности» памяти, а образы событий и персонажей прошлого в различных текстах становятся основой для обыденных представлений о прошлом [2011. С. 11].

Основным объектом интереса исследователей в области исторической памяти становятся проблемы сегодняшнего дня, которые связаны с политикой памяти современного государства или недавним прошлым страны. Различные образы прошлого на карте памяти Российской империи XIX–XX вв. анализируются в ряде исследований (см. [Диалоги со временем..., 2008; Диалог со временем, 2016; Историческая культура..., 2012; Историческая память, 2018] и др.). Проблемы исторического самосознания интеллигенции рассматриваются в монографиях О. Б. Леонтьевой [2011] и Т. А. Сабуровой [2005]. О. Б. Леонтьевой охарактеризованы эволюция русской исторической культуры в интересующий нас период, а также образы эпох, героев и антигероев этого социoproфессионального сообщества. Т. А. Сабурова подробно останавливается на выявлении представлений о прошлом и его различных интерпретациях, выявляет связь времен и историческую модель в сознании интеллигенции. Образу поколений, а вместе с ними и образам эпох, посвящены статьи Н. Н. Родигиной и Т. А. Сабуровой [Родигина, Сабурова, 2011; Сабурова, 2012]. Кроме того, данные авторы положили начало изучению представлений о времени журналистов конца XIX – начала XX в. [Родигина, Сабурова, 2014].

В данной статье главными источниками выступают эго-документы журналисток. В основном это воспоминания и автобиографии, опубликованные в XX в. Объектом нашего внимания являются исторические эпохи, на характеристиках которых журналистки останавливались чаще всего, а также взаимосвязь темпоральных представлений и идентификационных структур, конструирующих образы прошлого и поддерживаемых ими.

В начале XX в. постепенно растет количество публикаций мемуарного характера и интерес читателей к мемуарной литературе (см. [Лицук А., Лицук Ж., 2014. С. 11] и др.). Увеличение числа напечатанных воспоминаний свидетельствует о существовавшем на них социальном заказе. Н. П. Матханова выделяет причины увеличения публикации таких сочинений в 1860-е гг., которые можно с уверенностью экстраполировать и на начало XX в.: «рост исторического сознания, связанного с ускорением исторических процессов и возрастанием роли личности», «увеличение количества изданий, в которых публикуются мемуары» [Матханова, 2010. С. 43]. Кроме того, можно добавить субъективную важность написания подобных текстов для их авторов, стремившихся закрепить «правильный» и «правдивый», с их точки зрения, образ прошлого, значимых деятелей своего времени, сохранить память о себе сквозь эпоху перемен. Для тех, кто оставил мемуары после революций 1917 г., их создание представляло собой терапевтическое занятие, позволявшее восстановить утраченную идентичность и пережить вновь более счастливые периоды жизни.

Память об общем прошлом является важнейшим компонентом коллективной идентичности. По мнению Ш. Линда, припоминание и репрезентация прошлого группами и индивидами имеет разные цели: «использование прошлого для обоснования легитимности власти, предъявление прав на владение, утверждение политического или интеллектуального приоритета, обоснование стабильности, обнаружение божественного предопределения в истории, сравнение прошлого с настоящим с целью показать, что вещи стали хуже или лучше» [Васильев, 2012]. Одной из практик начала XX в. стало создание различного рода сборников, в которых публиковались автобиографии и воспоминания. Выходили сборники в честь юбилеев периодических изданий или литераторов, сборники в пользу нуждающихся коллег или отдельных групп населения (например, переселенцев, учащихся женщин, раненых солдат и др.). Некоторые биографические справки о литераторах в словарях также носили автобиографический характер, будучи написанными самим автором о себе, но в третьем лице. Примером тому служит автобиография М. К. Цебриковой [Могиланский, 1971]. Такие издания, как и отдельные публикации в периодической печати, служили средством коммеморации истории профессионального сообщества журналистов, поэтому в большинстве воспоминаний журналисты затрагивали только темы своего непосредственного прошлого, не размышляя о более ранних эпохах.

Исключение составляют эго-документы А. В. Тырковой, в которых она периодически совершает исторические экскурсии и осмысляет современность с позиции прошлого. Находясь в эмиграции, мемуаристка старается понять историю России, объясняя себе и читателям ошибки интеллигенции и представителей власти, и ответить себе, почему ее родины фактически больше не существует. Характерно мнение Л. П. Репиной: «Основным способом преодоления кризисов коллективного сознания является историческое повествование, оформляющее в определенную смысловую целостность прошлый опыт, зафиксированный в памяти в виде отдельных событий» [2008. С. 10]. В воспоминаниях, размышляя о причинах русской революции, А. В. Тыркова почти вторит известной ленинской схеме о декабристах, разбудивших Герцена: «Началась она 14 декабря 1825 г. С тех пор революционные искры то тлели, то разгорались в беспокойных умах, пока, уже в XX веке, не промчались степным пожаром по всей России и дальше по всему миру» (Тыркова-Вильямс, 2007. С. 41). К историческому прошлому своей родины она также возвращается, когда в мемуарах заходит речь о конституции. Как человек, ощущающий свою жизнь в истории, она тут же приводит в пример Александра I и Александра II, во времена царствования которых поднимался интересующий ее вопрос, и видит толчок к новому пробуждению общественной жизни тоже в историческом событии – крестьянском голоде 1891–1892 гг. «Пробудившееся» общественное движение вылилось, по мнению А. В. Тырковой, в революции 1905 и 1917 гг. Кроме того, в дневниках А. В. Тырковой встречаются упоминания о допетровской России, когда она размышляет над тем, что хочет написать повесть о браке «уже западника» и «духовной дочери Аввакума» (Наследие..., 2012. С. 48). О. Б. Леонтьева отмечает, что «характерной приметой

художественной жизни России предреволюционных десятилетий был “мемориальный уклон”», из-за чего исторические мотивы или аллюзии в искусстве были особо популярны [Леонтьева, 2011. С. 54]. Симптоматично, что этот замысел у А. В. Тырковой возникает, по-видимому, из исторических штудий: думая о времени царствования Алексея Михайловича, церковном расколе, журналистка записывает характеристики ярких фигур этих событий – Аввакума, боярыни Ф. П. Морозовой, княгини Е. П. Урусовой. Транслируемый на страницах дневника образ старообрядцев вполне соответствовал позитивной его трактовке в современной журналистке исторической науке. Аввакум, противостоящий власти, был симпатичен интеллигентке А. В. Тырковой.

Кроме того, в воспоминаниях журналисток встречаются рецепции Великой французской революции. А. В. Гордон [1995] считает, что «идеи и принципы, события и персонажи Великой французской революции вошли в культуру России, стали в переработанном виде частью национальной традиции». Ее главные действующие лица становились героями русского исторического сознания. Издательница М. К. Куприна-Иорданская в мемуарах упоминает о том, как в 1904 г. она наблюдала паноптикум, в котором «красовалась фигура Марии-Антуанетты в белом платье со светлыми локонами, окаймлявшими прелестное лицо. Вокруг виднелись различные фигуры, а у подножья их лежали разных размеров и форм кости человека» (Куприна-Иорданская, 1966. С. 114). А. В. Тыркова в 1905 г., находясь в первой эмиграции, писала о том, как Ш. Сеньобос в лекции «Русская революция и революция французская» сравнивал эти два события. Журналистка отмечала: «Мы привыкли носиться с этой параллелью, вернее, вперед облизываться на ход событий, который в России должен повторить историю Франции 1789–[17]93 годов» (Наследие..., 2012. С. 71). Далее в дневниках А. В. Тырковой упоминаются сравнения русских парламентских деятелей с героями французской революции.

В своих эго-документах журналистки обращали внимание на положение женщины в обществе. Сотрудницы периодики, многие из которых были лично задействованы в женском движении, заостряли внимание читателя на дикости нравов в отношении женщин. Чаще в рассказе о своих мамах и бабушках, лишь некоторые – при описании собственного быта они давали «типичные характеристики» тех времен, о которых шла речь в воспоминаниях, роли и статуса женщины в семье. По справедливому замечанию Е. Н. Строгановой, М. К. Цебикова и в литературно-критических статьях писала, «о полнейшем бесправии женщины, абсолютной ее зависимости от мужчины, об ограниченности существования, замкнутости жизненного пространства и предопределенности судьбы» [Строганова, 2019. С. 150–151]. Подобная критика встречается и в ее эго-документах. Однако в текстах, которые были объектом анализа для данной статьи, уже ощущается разрыв с миропониманием основной массы женщин этой эпохи. В автобиографиях, воспоминаниях и даже дневниках журналистки сосредоточены не на семейных проблемах, а на общественных событиях, что, конечно, не было характерно для большинства женщин Российской империи.

Современные эпохи описывались сотрудницами периодики через положение прессы и журналиста в обществе, что совпадает с выводами Н. Н. Родигиной и Т. А. Сабуровой [2014. С. 73]. Так, А. Н. Анненская, вспоминая 1900 г., пишет: «Времена наступали тревожные, общественная атмосфера сгушалась все более и более с каждым, можно сказать не годом, а месяцем... Цензура угнетала прессу, а пресса все более и более вырабатывала “эзоповский” язык, понятый для проницательного читателя, но недостижимый для полицейского воздействия» (Анненская, 1914. С. 57). Хотя о своей деятельности в органах печати А. Н. Анненская почти не пишет, она часто рассказывает историю жизни мужа именно через отношения власти и органов печати. Любопытно, как М. С. Богуславская, даже не называя прямо годы, на которые приходится начало повествования, датирует происходившие события. Она начала работать в журналистике, когда «только что вступившие в жизнь молодые люди нетерпеливо ожидали получения новых книжек “Русского Слова”, а потом “Дела”, поспешно их разрезали, вчитывались и вдумывались в их содержание» (Богуславская, 1897. С. 201), т. е. в конце

1860-х гг. Давая характеристики периодическим изданиям того или иного исторического периода, наши героини показывали свое отношение к данному историческому отрезку в целом. А. В. Тыркова, воспроизводя в памяти речи на юбилее Н. К. Михайловского, характеризует не только журналы, в которых он работал, но и то время, на которое приходилось их издание: «“Отечественные записки” с их богатым, но огнеопасным грузом, потом “Русское богатство”, бледное, благодаря побледневшей эпохе, но безукоризненное и последовательное» (Наследие..., 2012. С. 51).

В исторической памяти журналисток, за редким исключением, «Отечественные записки» связывались с 60-ми гг. XIX в., хотя образ данного органа периодики как «Евангелия молодежи» начал формироваться в самом конце этого десятилетия. Представления об «эпохе освобождения» стали одной из основ коллективной идентичности журналисток. По мнению Н. Н. Родигиной и Т. А. Сабуровой, «образ “святых шестидесятых” становится “местом памяти” для нового поколения» [2011. С. 155]. А. И. Соколова вспоминала о «шестидесятнике» Н. С. Скворцове, явно сакрализируя его образ: «Яркий представитель тех шестидесятых, от которых его ещё недалёкие годы отделяли, он светлым взором смотрел на будущее родной земли и всех людей любил по-евангельски, как братьев» (Соколова, 2017. С. 259). Можно сказать, что «эпоха Великих реформ» рассматривалась журналистками как некая «марка качества». В. В. Тимофеевой порядки в типографии М. М. Стасюлевича в 1880-е гг. «напомнили еще эпоху “освобождения”. Вокруг как будто люди свободные, и себя чувствуешь как-то вольнее» (Тимофеева, 1913. С. 225). Не случайно ее сравнение: «...первое впечатление при входе туда было такое, как будто вы переехали из Белоострова на первый полустанок Финляндии. Только что опустилась за вами рогатка – и все уже другое: и дороги, и постройки, и люди, и даже самый воздух – все чище, свежее, бодрее и основательнее» (Тимофеева, 1913. С. 225). Финляндия, включенная в европейское ментальное пространство, страна, через которую бежали от «старого режима», здесь служила синонимом свободы. А. А. Вербицкая, рассказывая об обучении в Елизаветинском институте, характеризует исторический период, на который оно приходилось: «...широкая, бурная волна возрождения 60-х годов докатилась, наконец, до каменных стен института и донесла нам хоть запоздалую, но радостную весть о женской эмансипации» (Вербицкая, 1901. С. 85). Так, затрагивая в автобиографии тему событий 1860-х гг., она вводит образ «возрождения», имеющий определенные исторические коннотации, «углубляя» образ «эпохи реформ».

В интерпретации сотрудниц периодики это была «эпоха освобождения», «отрывавшая и увлекавшая, как рвет и уносит льдины двинувшийся ледоход» (Шапир, 1916. С. 43). По мнению О. А. Шапир, хотя это время дало впервые возможность самоопределения, оно не позволило ей в полной мере воспользоваться. 1860-е гг., как любая эпоха, в которую происходили резкие изменения в краткий срок, порождали обостренную нетерпимость по отношению к «иной» позиции. Чувство резкого ускорения времени способствовало выдвиганию в качестве обязательного требования безоглядной отдачи всех сил для достижения «цели». Эти характеристики из «эпохи реформ» экстраполировались журналистками на современность – начало XX в.

Подобные мифы поддерживали претензии данной профессиональной группы на высокий статус, и, как всем подобным мифам, им была свойственна стереотипизация. Создание «правильных» образов прошлого и требование «правильной» памяти о них, сакрализация «эпохи великих реформ» и при этом сосуществование одновременно разных образов прошлого приводило на рубеже веков к своеобразным «войнам памяти». Как считает А. Мегилл, при конфликте альтернативных реальностей и идентичностей, «для “памяти” вполне достаточно причин выдвинуться на первый план», более того, «когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти» [2009. С. 138]. Сражения за «свое» прочтение истории 1860-х гг. произошли между Н. К. Михайловским и А. Л. Волынским на страницах журналов в конце XIX в. Н. К. Михайловский изображался в эго-документах журналисток «последним из могикан» – продолжателем дел шестидесятников, «властителем дум» моло-

дежи. А. Л. Волынский, по словам Э. К. Пименовой, пытался оспорить авторитет писателей 1860-х гг., чем вызвал негодование со стороны либеральной и народнической общественности (Пименова, 1929. С. 166–167). Как обычно бывает, этот спор был не столько о прошлом, сколько о стратегиях поведения в настоящем и проектах будущего. Л. Я. Гуревич, издательница «Северного Вестника», где А. Л. Волынский публиковал критические статьи о прежних литературных деятелях, ставила вслед за ним «вопросы этики» выше проблем «политики», а в литературе считала неприемлемой тенденциозность. А. А. Давыдова, представительница старшего поколения, спорит в письме с Л. Я. Гуревич: «...этика не есть открытие Америки, против нее никто из старых писателей не был... пропагандировать этические направления в журналистике – дело опасное у нас (подчеркивание А. А. Давыдовой. – А. А.), как раз очутиться в компании людей, с которыми [компания] не особенно-то приятна и лестна!.. Эта фраза, о новом этическом направлении в журналистике, в вашем письме, мне, если не все, то многое объяснила! Теперь начинаю понимать, почему старики протестуют»¹. Н. К. Михайловский выступал, по сути, защитником основы идентичности недавно создавшей себя интеллигенции и только формирующегося профессионального сообщества журналистов, – памяти о 1860-х гг.

«Эпоха Великих реформ» служила неким мерилom, отправной точкой «освобождения» страны, от нее отталкивались для характеристики последующих этапов ее истории. Образ 1880-х гг. строился по антитезе со «святыми шестидесятыми». Эти годы изображаются многими сотрудницами периодики как время застоя и оцепенения. Т. А. Сабурова считает, что «во многом под влиянием представления о людях 1860-х годов получило распространение мнение о затишье и безвременности 1880-х, что подчеркивало пустоту этих лет по сравнению с эпохой реформ» [2012. С. 147]. В дальнейшем этот «штамп», сконструированный во многом поколением «восьмидесятников», перешел затем и в историографию. В эго-документах наших героинь 1880-е гг. были периодом истории России и журналистики, когда все прогрессивные круги общественности «впали в подавленное, унылое настроение», когда даже «лучшие из прогрессивных органов печати» как бы «поблекли», хотя и оставались такими же «безукоризненными» и «последовательными». В то же время органы печати предстают в воспоминаниях своеобразными «очагами свободы», сохранившимися от более раннего времени или не утратившими «традиций шестидесятых». Примером тому служат вышеописанные представления В. В. Тимофеевой о типографии М. М. Стасюлевича. Одновременно с этим закрытие «передовых» периодических изданий также служило определенным маркером времени. В этом случае характерно описание 1880-х гг. О. А. Шапир в воспоминаниях о Г. К. Градовском: «В быстро разливавшихся волнах реакции, поглотившей один за другим все очаги прогрессивной общественной мысли, одним из первых должно было погибнуть и “Русское обозрение”» (Шапир, 1916. С. 41).

В эго-документах журналисток, описывавших 1890-е гг., общим местом становится утверждение, что «оцепенение» 1880-х начало преодолеваться в эти годы, когда «пульс жизни забился сильнее» (Пименова, 1929. С. 190). Если в этой оценке мнения представительниц данного профессионального сообщества совпадают, то на счет причин их позиции различны. Например, Л. Я. Гуревич связывает наблюдавшееся ею «пробуждение» с появлением новых направлений в литературе. А по мнению Э. К. Пименовой и А. В. Тырковой, оцепенение прошло благодаря начавшейся в то время борьбе политических течений – марксизма и народничества, происходившей, в том числе, на страницах периодической печати. Для журналисток это знаменовало «пробуждение мысли».

1900-е гг. и начавшаяся в это время эпоха революций являются одним из самых неоднозначных в эго-документах журналисток. Зачастую освещение этого периода вообще не входило в задачи мемуаристок, воспоминания останавливались на более ранних исторических событиях. Однако если его описывали, то этот период одновременно представлял и «эрой ве-

¹ РО ИРЛИ. Фонд Л. Я. Гуревич. Ед. хр. 19890. Давыдова А. А. Письма к Л. Я. Гуревич. Л. 25.

ликих потрясений», и «весной либерального движения», когда по всей стране почти самовольно открывались все новые газеты, нарождались новые публицисты, а «их голоса звучали громко, с невиданной смелостью и настойчивостью» (Тыркова-Вильямс, 2007. С. 62). В последней из интерпретаций это было время омоложения или обновления страны. Символическими являются заключительные строки мемуаров Э. К. Пименовой: «Похороны Николая Константиновича (Михайловского. – А. А.) носили, конечно, торжественный характер. Огромная толпа молодежи, его почитателей и друзей провожала его на Волково кладбище. Но на встречу этой грандиозной похоронной процессии, на Невском, двигалась, патриотическая манифестация, организованная по случаю войны, и слышались крики “ура” и пение “боже царя храни”... Началась эра великих потрясений...» (Пименова, 1929. С. 193). В этом отрывке нашло отражение столкновение противоположностей – жизни и смерти, правительства и либеральной оппозиции, которым для представителей прессы характеризуется данный период истории России. Кроме того, знаковой в данном случае является и смерть Н. К. Михайловского, одного из идейных вождей пишущей России. В дневнике А. В. Тырковой этому событию посвящены следующие строки: «...на девятидневной панихиде Н. К. Михайловского казалось, что мы хороним всю русскую литературу» (Наследие..., 2012. С. 61). Л. Я. Гуревич в автобиографии 1911 г. пыталась придать сакральный характер революции 1905 г. Столь высокий статус эпохи она объясняла тем, что представителям прессы удалось добиться тогда невиданной до этого времени свободы, а также тем, что было принесено много «жертв», приложены огромные усилия для достижения цели. Л. Я. Гуревич считала, что «тот, кто по-настоящему пережил это время, знает, ощущает, что чем бы (видимым образом) ни окончилось оно – результаты его в невидимых глубинах жизни огромны. <...> Острота, сила, глубина тех особых, неличных, переживаний придала им какой-то священный характер» (Гуревич, 1911. С. 197).

Анализ эго-документов журналисток позволяет утверждать, что образы прошлого создавались ими в XX в. в основном на материале того времени, в которое жили их авторы. Однако в данных текстах содержались рецепции персонажей и событий более ранних эпох русской и европейской истории. Сотрудницы периодики обращались к событиям Великой Французской революции, поскольку данная тема была актуальна в России в годы перед первой революцией и позволяла создать иллюзию возможности предсказать будущее по аналогии. Все современные нашим героиням периоды истории России ими показывались через характеристики периодических изданий, роль и место прессы, журналистов и с точки зрения степени свободы слова и печати в ту или иную эпоху. Журналистки часто описывали положение женщин в обществе, чтобы показать характер времени. В остальном их темпоральные представления не отличались от мужских. Работая наравне с мужчинами, они больше не были сосредоточены, как большинство женщин того времени, исключительно на семейно-бытовых аспектах повседневности. Более того, в основном повествование в эго-документах сосредоточено на общественной сфере. Для журналисток 1860-е гг. были одним из самых значимых периодов, от которого они отгалкивались при характеристике остальных. Кроме того, образ «эпохи Великих реформ», непосредственными свидетелями которых большинство журналисток не были, тем не менее служил основой для самоидентификации профессиональной общности, к которой принадлежали авторы данных текстов. Миф о «святых шестидесятих» приводил к своеобразным «войнам памяти» уже в 1890-е гг. между некоторыми представителями нового и старого поколений. В описании 1860-х, 1880-х, 1890-х и 1900-х гг. преобладали штампы, свойственные общей исторической культуре того времени. В целом при написании эго-документов журналистки стремились сконструировать образ истории своего профессионального сообщества, вписать в него себя и закрепить в памяти последующих поколений.

Список литературы

- Васильев А. Г.** Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов (Обзор англоязычных книг по истории памяти) // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/memory-studies-edinstvo-paradigmy-mnogo-obrazie-obektov.html> (дата обращения 12.04.2020).
- Гордон А. В.** Кропоткин в российской рецепции Великой французской революции // Тр. Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения П. А. Кропоткина. М., 1995. Вып. 1: Идеи П. А. Кропоткина в философии. С. 72–94. URL: <http://oldcancer.narod.ru/150PAK/1-06Gordon.htm> (дата обращения 11.05.2020).
- Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М.: Круг, 2008. 800 с.
- Диалог со временем. М.: ИВИ, 2016. Вып. 56: Время и событие в исторической культуре XVI – начала XXI века. 400 с.
- Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 551 с.
- Историческая память и российская идентичность. М.: РАН, 2018. 508 с.
- Леонтьева О. Б.** Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара: Книга, 2011. 448 с.
- Лицук А. А., Лицук Ж. В.** Мемуары как феномен культуры Серебряного века. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 130 с.
- Мазур Л. Н.** Образ прошлого: формирование исторической памяти // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.
- Матханова Н. П.** Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.
- Мегилл А.** Историческая эпистемология. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. 480 с.
- Могиланский А. П.** Новые данные о М. К. Цебриковой // Русская литература. 1971. № 1. С. 102–111.
- Репина Л. П.** Память о прошлом и история // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 7–18.
- Родигина Н. Н., Сабурова Т. А.** Время, пространство, память в мемуарах русских журналистов конца XIX – начала XX в. А. В. Амфитеатрова и В. М. Дорошевича // AvtobiografiЯ. 2014. № 3. С. 61–92.
- Родигина Н. Н., Сабурова Т. А.** Поколенческое измерение социокультурной истории России XIX в.: преемственность и разрывы // Диалог со временем. 2011. № 34. С. 138–157.
- Сабурова Т. А.** Коллективная автобиография: «поколение 1880-х» в воспоминаниях и переписке А. В. Амфитеатрова // AvtobiografiЯ. 2012. № 1. С. 145–165.
- Сабурова Т. А.** Русский интеллектуальный мир / миф. (Социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия). Омск: Наука, 2005. 306 с.
- Строганова Е. Н.** Женская литературная критика // Классики и современницы. Гендерные реалии в истории русской литературы XIX в. М., 2019. С. 130–162.
- Чеканцева З. А.** Эпистемология исторического образа на рубеже XX–XXI вв. // История: Электрон. научно-образовательный журн. 2013. Т. 4, вып. 2 (18). URL: <http://history.jes.su/s207987840000488-5-1> (дата обращения 24.05.2020).

Список источников

- Анненская А. Н.** Из прошлых лет (воспоминания о Н. Ф. Анненском) // Русское богатство. 1914. № 7. С. 31–84.
- Богуславская М. С.** За четверть века (из воспоминаний) // Наблюдатель. 1897. № 1. С. 201–227.

- Вербицкая А. А.** Автобиография // Сборник на помощь трудящимся женщинам. М., 1901. С. 84–91.
- Гуревич Л. Я.** Автобиография // Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. М., 1911. С. 181–197.
- Куприна-Иорданская М. К.** Годы молодости. М.: Худож. лит., 1966. 384 с.
- Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М.: РОССПЭН, 2012. 1111 с.
- Пименова Э. К.** Дни минувшие. М.; Л.: Книга, 1929. 196 с.
- Соколова А. И.** Встречи и знакомства. М.: НЛЮ, 2017. 528 с.
- Тимофеева В. В.** Памяти М. М. Стасюлевича // Вестник Европы. 1913. № 1. С. 224–236.
- Тыркова-Вильямс А. В.** На путях к свободе. М.: Моск. шк. полит. исследований, 2007. 392 с.
- Шапир О. А.** Борец за старые идеалы // Публицист-гражданин. Литературный сборник, посвященный памяти Григория Константиновича Градовского. Пг., 1916. С. 41–47.

References

- Chekantseva Z. A.** Epistemologiya istoricheskogo obraza na rubezhe XX–XXI vv. [Epistemology of the Historical Image at the Turn of the 20th and the 21st Centuries]. *Istoriya: Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal [The Online Journal of Education and Science "Istoriya" ("History")]*, 2013, vol. 4, no 2 (18). (in Russ.) URL: <http://history.jes.su/s207987840000488-5-1> (accessed 24.05.2020).
- Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii [Dialogues with Time: Memory about the Past in the Context of History]. Moscow, Krug, 2008, 800 p. (in Russ.)
- Dialog so vremenem [Dialogue with Time]. Moscow, IMI, 2016, iss. 56, 400 p. (in Russ.)
- Gordon A. V.** Kropotkin v rossiiskoi retseptsii Velikoi frantsuzskoi revolyutsii [Kropotkin in the Russian Reception of Great French Revolution]. In: Trudy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 150-letiyu so dnya rozhdeniya P. A. Kropotkina [Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 150th Anniversary of P. A. Kropotkin]. Moscow, 1995, iss. 1, p. 72–94. (in Russ.) URL: <http://oldcancer.narod.ru/150PAK/1-06Gordon.htm> (accessed 11.05.2020).
- Istoricheskaya kul'tura imperatorskoi Rossii: formirovanie predstavlenii o proshlom [Historical Culture of Imperial Russia: Development of Ideas about the Past]. Moscow, NIU VSHE, 2012, 551 p. (in Russ.)
- Istoricheskaya pamyat' i rossiiskaya identichnost' [Historical Memory and Russian Identity]. Moscow, RAS Publ., 2018, 508 p. (in Russ.)
- Leontyeva O. B.** Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiiskoi kul'ture XIX – nachala XX v. [Historical Memory and the Images of the Past in Russian Culture of the 19th and Early 20th Century]. Samara, Kniga, 2011, 448 p. (in Russ.)
- Litsuk A. A., Litsuk G. V.** Memuary kak fenomen kul'tury Serebryanogo veka [Memoirs as the Phenomena of Silver Age Culture]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State Uni. Press, 2014, 130 p. (in Russ.)
- Matkhanova N. P.** Sibirskaya memuaristika XIX veka [Siberian Memoiristics of the 19th Century]. Novosibirsk, SB RAS, 2010, 551 p. (in Russ.)
- Mazur L. N.** Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoi pamyati [The Image of the Past: Formation of Historical Memory]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta [Izvestia. Ural Federal University Journal]*, 2013, vol. 2, no. 3 (117), p. 243–256. (in Russ.)
- Megill A.** Istoricheskaya epistemologiya [Historical Epistemology]. Moscow, Kanon+, ROOI "Reabilitatsiya", 2009, 480 p. (in Russ.)
- Mogilyansky A. P.** Novye dannye o M. K. Tsebrikovoi [New Data on M. K. Tsebrikova]. *Russkaya literatura [Russian literature]*, 1971, no. 1, p. 102–111. (in Russ.)

- Repina L. P.** Pamyat' o proshlom i istoriya [The Memory about the Past and History]. In: Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii [Dialogues with Time: Memory about the Past in the Context of History]. Moscow, 2008, p. 7–18. (in Russ.)
- Rodigina N. N., Saburova T. A.** Vremya, prostranstvo, pamyat' v memuarakh russkikh zhurnal'istov kontsa XIX – nachala XX vv. A. V. Amfiteatrova i V. M. Doroshevicha [Memory, Time, and Space in the Memoirs by the Russian Journalists A. V. Amfiteatrov and V. M. Doroshevich]. *Avtobiografiya* [Autobiography], 2014, no. 3, p. 61–92. (in Russ.)
- Rodigina N. N., Saburova T. A.** Pokolencheskoe izmerenie sotsiokul'turnoi istorii Rossii XIX v.: preemstvennost' i razryvy [Generational Dimension of the Socio-Cultural History of Russia in the 19th Century: Continuity and Breaks]. *Dialogi so vremenem* [Dialogues with Time], 2011, no. 34, p. 138–157. (in Russ.)
- Saburova T. A.** Kollektivnaya avtobiografiya: “pokolenie 1880-kh” v vospominaniyakh i perepiske A. V. Amfiteatrova [The Collective Autobiography: Generation of 1880s in the Memoirs and Correspondence by A. V. Amfiteatrov]. *Avtobiografiya* [Autobiography], 2012, no. 1, p. 145–165. (in Russ.)
- Saburova T. A.** Russkii intellektual'nyi mir / mif. (Sotsiokul'turnye predstavleniya intelligentsii v Rossii XIX stoletiya) [Mythologies of the Russian Intellectual World: Socio-Cultural Representations of the Russian Intelligentsia in the 19th Century]. Omsk, Nauka, 2005, 306 p. (in Russ.)
- Stroganova E. N.** Zhenskaya literaturnaya kritika [Women Literary Criticism]. In: Klassiki i sovremennitsy. Gendernye realii v istorii russkoi literatury XIX v. [Classics and Contemporaries. Gender Realities in the History of Russian Literature of the 19th Century]. Moscow, 2019, p. 130–162. (in Russ.)
- Vasilyev A. G.** Memory studies: edinstvo paradigmy – mnogoobrazie ob'ektov (Obzor anglo-yazychnykh knig po istorii pamyati) [Memory Studies: the Unity of Paradigm – the Diversity of Objects (Review of English-Language Books on the History of Memory)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2012, no. 117. (in Russ.) URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/memory-studies-edinstvo-paradigmy-mnogoobrazie-obektov.html> (accessed 12.04.2020)

List of Sources

- Annenskaya A. N.** Iz proshlykh let (vospominaniya o N. F. Annenskom) [From the Past Years. (Memoir about N. F. Annensky)]. *Russkoe bogatstvo* [Russian Wealth], 1914, no. 7, p. 31–84. (in Russ.)
- Boguslavskaya M. S.** Za chetvert' veka. (Iz vospominanii) [For a Quarter-Century. (From Memoir)]. *Nabludatel'* [Watcher], 1897, no. 1, p. 201–227. (in Russ.)
- Gurevich L. Ya.** Avtobiografiya [Autobiography]. In: Pervye literaturnye shagi. Avtobiografii sovremennykh russkikh pisatelei [First Literally Steps. Autobiography of Modern Russian Writers]. Moscow, 1911, p. 181–197. (in Russ.)
- Kuprina-Iordanskaya M. K.** Gody molodosti [The Years of Youth]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1966, 384 p. (in Russ.)
- Nasledie Ariadny Vladimirovny Tyrkovo: Dnevnik. Pis'ma [The Heritage of Ariadna Vladimirovna Tyrkova: Diaries. Letters]. Moscow, ROSSPEN, 2012, 1111 p. (in Russ.)
- Pimenova E. K.** Dni minuvshie [Days Gone]. Moscow, Leningrad, Kniga, 1929, 196 p. (in Russ.)
- Shapir O. A.** Borets za starye idealy [The Fighter for Old Ideals]. In: Publitsist-grazhdanin. Literaturnyi sbornik, posvyashchennyi pamyati Grigoriya Konstantinovicha Gradovskogo [Publicist-citizenry. Literary Collection Dedicated to the Memory of Grigory Konstantinovich Gradovsky]. Petrograd, 1916, p. 41–47. (in Russ.)
- Sokolova A. I.** Vstrechi i znakomstva [The Meetings and Acquaintances]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 528 p. (in Russ.)

- Timofeeva V. V.** Pamyati M. M. Stasyulevicha [In the Memory of M. M. Stasyulevich]. *Vestnik Evropy* [*Herald of Europe*], 1913, no. 1, p. 224–236. (in Russ.)
- Tyrkova-Vilyams A. V.** Na putyakh k svobode [On the Ways to Freedom]. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2007, 392 p. (in Russ.)
- Verbitskaya A. A.** Avtobiografiya [Autobiography]. In: *Sbornik na pomoshch' trudyashchimsya zhenshchinam* [Collection of Stories to Help Working Women]. Moscow, 1901, p. 84–91. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
04.09.2020

Сведения об авторе

Кузьменко (Старышкина) Анастасия Андреевна, старший преподаватель кафедры Отечественной и всеобщей истории Института истории, гуманитарных и социальных наук Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)
staryshkina@mail.ru

Information about the Author

Anastasiya A. Kuzmenko (Staryshkina), Senior Lecturer of Department of Russian and World History, Institute of History, Humanities and Social Education, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)
staryshkina@mail.ru